

Анастасия

ПОКОЙНЫЙ Юрий Анненков в течение долгого времени составлял словарь русских, участвовавших в мировом кино (был опубликован в журнале «Возрождение»), из которого мы с удивлением узнавали, что тот или другой знаменитый актер или режиссер оказывался русского происхождения. Словаря же русских художников, живущих в рассеянии, пока еще, кажется, никто

(Южная Африка), опять приезжает во Францию, некоторое время работает вместе с уже больным Матиссом. С 1953 года начинает систематически и с успехом выставлять свои работы (вначале под фамилией CHASSAY), иллюстрирует много книг (в том числе «Красное и черное» Стендаля) в своеобразной эскизной манере, вошедшей впоследствии в моду. Однако жизнь то

занималась коллажами, майоликой. Рядом с вполне традиционными портретами мы находим у нее и фовистскую живопись, и абстракции, и тщательно выполненные офорты. Анастасия называет себя «свидетелем своего времени». И последний большой цикл ее работ, из которых была составлена недавняя экспозиция, это подтверждает. Бегство от современной цивилизации, к чему художница всегда чувствовала склонность, привело ее к встрече с представителями совсем иного поколения. Живя в 1967-70 годах в Лондоне, Анастасия сблизилась с возникшим тогда движением «детей-цветов» — хиппи, и стала как бы хроникером их повседневности. Ее черно-белые рисунки передают тот сложный, запутанный и одновременно инфантильный мир, в котором запутались эти «гадки утят» современности, уходящие от нее в туманные грезы, сны и наркотики и не находящие выхода. Особую роль в ее рисунках играют волосы (в которых художница видит как бы проекции их спутанных мыслей), лес развевающихся волос, переходящих в орнамент, где теряются их расплывчатые силуэты; орнаменты, гроздь странных, не от мира сего лиц.

И тут проявляется второе призвание художницы. Главный нерв ее рисунка — это танец, пластическая «балетная», бесконечно изгибающаяся, самодовлеющая линия, которая и создает и эти набегающие друг на друга лица, и телесные формы, и пейзажи. В чем-то рисунки ее напоминают работы Леонор Фини. Но за этим проглядывает и обращение ее к норвежскому художнику Эдварду Мунху — одному из отцов живописного символизма с теми же характерными волокнистыми линиями, в которые как бы расщепляются странные мятежные души его персонажей, — и дальше — к «югендстилю».

Творчество Анастасии интернационально. В воспроизводимой картине она обобщенно изобразила свою беспокойную бродячую жизнь. Но в самом этом духе беспокойства, в этой непрерывной заинтересованности и желании соучаствовать во всем на свете — не проглядывает ли извечное и такое русское искание истины. Какой?

Л. Волгин

КОМПОЗИЦИЯ

не составил. И неудивительно, что все вновь и вновь открываются новые для многих из нас имена. Вот еще одно имя.

В июне в Стадиуме (Порт д'Иври) с успехом прошла выставка норвежской художницы русского происхождения Анастасии Григ. Анастасия (ее девичья фамилия Минакова) прошла сложный и необычный жизненный путь. Родившаяся в Норвегии, куда ее родители переселились в начале революции, она с четырех лет начала учиться балету, танцевала в Норвежской опере и впоследствии была отправлена для совершенствования в Париж на личную стипендию норвежской королевы. В тридцатые годы она участвовала во многих балетных антрепризах вместе с такими артистами, как Л. Мясин, С. Лифарь, Сахаровы, некоторое время была в студии Кшесинской. В эти же годы она начала профессионально заниматься живописью, училась у Андре Лота в школе на Монпарнасе. С началом войны Анастасия вернулась в Норвегию, где приняла участие в Сопротивлении и в 1943 году была депортирована в Германию (много лет спустя она по памяти сделала замечательный рисунок своей камеры в Берлине). В 1944 году ей чудом удалось бежать из лагеря Равенсбрюка в Швейцарию, и с этого времени ее жизнь начинает все больше походить на приключенческий роман. Она возвращается к балету, основывает первую балетную школу в Иоганнесбурге

и дело врывается в ее мир, и мы видим ее то сестрой милосердия во время алжирской войны, то стюардессой на Ближнем Востоке. Анастасия в совершенстве владеет несколькими языками, подолгу живет в разных странах. И при всем этом всему на свете художница предпочитает одиночество, которое, как она считает, приносит ей вдохновение.

Творчество Анастасии так же многообразно и многостильно, как и ее жизнь. Не было, казалось, техники, которой бы она не перепробовала. Она делала иконы, ткала своеобразные коврики («ковры ожидания», как она их называла) в восточном стиле,